

САМАРСКИЕ КОРНИ ВЫДАЮЩИХСЯ СОЛИСТОК БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Г. В. ЖУКОВСКОЙ И Е. И. АНТОНОВОЙ

(К 70-летию эвакуации в Куйбышев Большого театра)

Если говорить об истории Большого театра, то, наверное, нужно признать, что XX в., особенно советский период, был пиком его расцвета. В то время в театре была собрана настоящая плеяда выдающихся оперных исполнителей. В ней занимают место и артисты, жизнь которых, в том числе и творческая, была связана с Самарой. Но в Самаре они, к сожалению, совершенно забыты. Можно было бы надеяться, что их имена вспомнили бы в связи с исполняющимся ныне 70-летием эвакуации Большого театра в Куйбышев (Самару) с началом Великой Отечественной войны, но, увы, этого не происходит. Между тем речь идет о действительно крупных исполнителях, чьи голоса и сценическое мастерство на протяжении десятилетий покоряли благодарных слушателей.

Одна из таких исполнительниц – Глафира Вячеславовна Жуковская (24.4(7.5)1898 - 2.3.1991). В течение 23 лет, с 1925 г. по 1948 г., она пела в Большом театре ведущий репертуар лирического сопрано, ей были доступны также лирико-колоратурные и лирико-драматические партии. За время работы в театре она исполнила более 30 партий. Как отмечали специалисты, подлинными шедеврами Г.В. Жуковской стали образы Людмилы и Антонида в операх «Руслан и Людмила» и «Иван Сусанин» М.И. Глинки; Снегурочки, Волховы и Марфы в операх «Снегурочка», «Садко» и «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова; Дездемоны и Виолетты в операх «Отелло» и «Травиата» Дж. Верди, Мими, Лиу и Чио-Чио-сан в операх «Богема», «Турандот» и «Чио-Чио-сан» Дж. Пуччини; Маргариты в «Фаусте» Ш. Гуно. По воспоминаниям солиста П.М. Норцова, «серебристый голос Жуковской удивительно подходил к партии Снегурочки». Норцову вторит и М.О. Рейзен: «Ее голос – нежнейшее лирическое сопрано – звучал как чистое серебро...»¹. Неизгладимое впечатление Г.В. Жуковская производила в партиях Татьяны и Иоланты в операх П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Иоланта». «Безупречный вокал, – вспоминал П.Г. Лисициан о Жуковской-Татьяне, – сочетался у нее с незаурядной актерской выразительностью... Никогда не забуду ее завораживающего взгляда на словах: «Довольно, встаньте...» в заключительной сцене – под этим взглядом я весь сжимался, мне, Онегину, было мучительно стыдно»². «Простотой и правдой» привлекал в исполнении Г.В. Жуковской лирически одухотворенный, жертвенный образ Иоланты³. Выступала Глафира Вячеславовна и как концертная певица, исполняла произведения русских и западноевропейских композиторов.

Родилась Г.В. Жуковская 24.4(7.5)1898 г. в Оренбурге в семье железнодорожного служащего, очевидно, западнорусского или польского проис-

хождения. Известно, что среди служащих Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургской ветвью было много поляков. В семье было 6 детей⁴. В 1901 г., когда Глафире было 3 года, в связи с переводом отца семья переехала в Самару⁵. По архивным документам удалось выяснить, что в Самаре Жуковские жили по адресу: Николаевская улица, д. 66, кв. 3. В письме, написанном в 1969 г. самарскому краеведу Николаю Павловичу Аннаеву Глафира Вячеславовна вспоминала, что это был каменный 2-этажный дом, от углового здания гимназии – третий; квартира № 3 находилась во дворе; Жуковские занимали весь нижний этаж⁶. В современной Самаре этот дом на Чапаевской улице под тем же № 66, третий от углового здания нынешней средней школы № 13, бывшей женской гимназии Хованской, сохранился. Во дворе – та же самая квартира № 3, в которой ровно 110 лет назад поселились Жуковские. Удивительно, но ныне в этой квартире проживают люди, которые знают о выдающейся певице Жуковской, поскольку были знакомы с ее сестрой, оставшейся в этой квартире до 1950-х гг.

По воспоминаниям Глафиры Вячеславовны, у ее отца был прекрасный тенор, детей в семье учили музыке. С 11 лет Глафира пела в церковном хоре, лет с 16 – в домовых церквях в честь Рождества Пресвятой Богородицы самарского Реального училища, располагавшегося в здании на углу современных улиц Комсомольской и Алексея Толстого. В Самаре в 1913 г. Глафира Вячеславовна окончила гимназию. Затем в течение года брала уроки пения в самарском музыкальном училище у известного педагога А.Е. Егоровой-Огородниковой, под руководством которой за год выучила 5 партий: Снегурочки (в одноименной опере Римского-Корсакова), Антониды («Иван Сусанин» Глинки), Виолетты («Травиата» Верди), Маргариты («Фауст» Гуно), Иоланты (в одноименной опере Чайковского). Посещала оперную студию при музыкальном училище, выступала в концертах. Первое концертное выступление Г.В. Жуковской состоялось 26 янв. 1914 г. в Народном доме на улице Льва Толстого (ныне Дворец культуры железнодорожников имени А.С. Пушкина), где она исполнила романс «Жаворонок» Глинки на концерте памяти композитора. Глафира Вячеславовна вспоминала, что в Самаре она знала Михаила Гавриловича Эрденко, часто встречалась с ним в концертах⁷.

Нужно отметить, что талантливейший скрипач, педагог и композитор Михаил Эрденко, родившийся в цыганской семье в Курской губернии, блестяще окончивший Московскую консерваторию, общавшийся с Львом Толстым, для Самары – человек не посторонний. В Самаре он, вероятно, преподавал в музыкальном училище и познакомился здесь со сво-

ей будущей женой Евгенией Иосифовной Гордзялковской, представительницей польского дворянского рода Гордзялковских, выходцев с Могилевщины. История Эрденко и Гордзялковских – это еще одна, пока неисследованная, страница жизни самарской интеллигенции начала XX в. Автору этой статьи посчастливилось близко знать в Москве Инну Михайловну Эрденко – дочь Михаила Гавриловича Эрденко и Евгении Иосифовны Гордзялковской, очень светлого человека, педагога, немало сил отдавшей сохранению в российской музыкальной культуре памяти о своем отце.

В 1921 г. Глафира Вячеславовна Жуковская стала в Самаре ведущей солисткой оперной труппы Д.Х. Южина, которая выступала в театре-цирке Олимп (находившегося на месте нынешнего здания филармонии). Г.В. Жуковская дебютировала там в партии Прилепы в опере «Пиковая дама» Чайковского. В этой труппе она пела ведущие партии, в том числе Снегурочку, Маргариту, Ксению («Борис Годунов» М.П. Мусоргского), Кризу («Нерон» А.Г. Рубинштейна) и др. Ее партнерами были А.М. Лабинский, М.В. Бочаров, знаменитый уже в то время бас – Григорий Степанович Пирогов. В труппе Южина Г.В. Жуковская выступала до 1923 г., когда покинула Самару, переехав в Москву, где поступила в оперу С.И. Зимина. Там она впервые исполнила заглавную партию в опере «Трильби» А.И. Юрасовского в ансамбле со своим будущим мужем, выдающимся певцом Александром Степановичем Пироговым (1899–1964). В 1925 г. Жуковская и Пирогов были приняты в Большой театр. Их дуэт на протяжении четверти века радовал и потрясал слушателей.

С участием Г.В. Жуковской записаны оперы «Евгений Онегин» и «Иоланта», а также арии из опер и романсы. В 2007 г. фирмой «Aquaarius» выпущен музыкальный альбом (2 CD), посвященный искусству Г.В. Жуковской, в который, наряду с полной записью оперы «Иоланта», вошли все сольные записи певицы (составитель альбома – М. В. Никифоров).

Другой замечательной солисткой Большого театра, современницей Г.В. Жуковской, была уроженка Самары Елизавета Ивановна Антонова (24.4(7.5).1904 – 5.8.1994), родившаяся, кстати, в один день с Г.В. Жуковской с разницей в 6 лет (и этот же день – день рождения П.И. Чайковского). Елизавета Ивановна Антонова родилась в Самаре в простой семье. Была крещена в Ильинской церкви, что стояла на нынешней Красноармейской площади. Запись о крещении сохранилась в фондах Самарского госархива. По окончании Трудовой школы Елизавета работала счетоводом.

Около 1922 г. она приехала в Москву вместе с подругой с единственным желанием – учиться петь. В Москве девушек встретил их земляк, самарец, художник В.П. Ефанов. Не имея никакого музыкального образования, Е.И. Антонова, тем не менее, прошла конкурс в хор Большого театра и была принята – настолько сильное впечатление произвели ее вокальные данные. Поначалу, не владея музыкаль-

Глафира Вячеславовна Жуковская

ной грамотой, она разучивала свои партии «с голоса» под руководством хормейстеров. Ее учителями в этот период были выдающиеся музыканты-хормейстеры Большого театра: У.И. Авранек (1853–1937) и В.В. Небольсин (1899–1958), впоследствии дирижер. Одновременно она брала уроки пения у знаменитой в прошлом певицы и опытного педагога М.А. Дейши-Сионицкой (1859–1932). Проработав 5 лет в хоре Большого театра (1923–28), Е.И. Антонова некоторое время как солистка выступала на сцене Малого театра оперы и балета в Ленинграде. Вернувшись в Москву, в 1930–33 гг. училась в 1-м Московском Государственном музыкальном техникуме. Там ее педагогом была Т.Г. Держинская – сестра выдающейся певицы К.Г. Держинской (1889–1951).

В 1933 г. Е.И. Антонова успешно дебютировала на сцене Большого театра, уже в качестве солистки, в партии Княгини («Русалка» А.С. Даргомыжского). С этого времени она исполняла в театре весь репертуар контральто, а также ряд партий для меццо-сопрано, создав классические образы в операх преимущественно русских композиторов. Более всего ей удавались «мужские» партии, как нельзя лучше подходившие к ее низкому контральто. В роли Ратмира («Руслан и Людмила» Глинки) Е.И. Антонова подчеркивала, прежде всего, мужественный характер своего героя, вокальная партия была проникнута томным восточным колоритом. Другой исполнительский шедевр Елизаветы Ивановны – партия Вани («Иван Сусанин» Глинки). В рецензии на постановку этой оперы в 1939 г. Б.В. Асафьев писал о «большой художественной удаче» певицы в этой

**Е.И. Антонова в роли Ратмира.
"Руслан и Людмила" М. И. Глинки**

**Е.И. Антонова в роли Солохи.
"Черевички" П. И. Чайковского**

«труднейшей вокальной партии и роли»⁸. Создавая, по словам солиста Большого театра И.И. Петрова, образ «настоящего деревенского мальчишки»⁹, Антонова, вместе с тем, сцену у посада проводила с подлинно трагической силой. Остальные партии Е.И. Антоновой из «мужской» группы – Лель и Нежата («Снегурочка» и «Садко» Римского-Корсакова), Миловзор («Пиковая дама» Чайковского), Зибель («Фауст» Гуно).

Другие образы Е.И. Антоновой – «сочные» характерные роли с ярким национальным колоритом. К ним относятся Свояченица и Ткачиха («Майская ночь» и «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова), Спиридоновна («Вражья сила» А.Н. Серова), Хивря и Хозяйка корчмы («Сорочинская ярмарка» и «Борис Годунов» Мусоргского). Наибольший успех и симпатии зрителей принесла Е.И. Антоновой роль Солохи в опере Чайковского «Черевички» (постановка Р.Н. Симонова 1941 г.). Среди немногих «женских» ролей Е.И. Антоновой помимо Княгини в «Русалке» выделяются Половецкая девушка и Кончаковна («Князь Игорь» А.П. Бородина), Надежда («Псковитянка» Римского-Корсакова), Полина и Ольга («Пиковая дама» и «Евгений Онегин» Чайковского), Сонетка («Леди Макбет Мценского уезда» Д.Д. Шостаковича), Фрика («Валькирии» Р. Вагнера, в уникальной предвоенной, 1940 г., постановке С.М. Эйзенштейна). В дневнике за 1940 г. Эйзенштейн записал, отмечая точное соответствие исполнения Антоновой партии Фрики своему видению этого образа: «Фрика–Антонова явная удача. Просто приятно глядеть. И богиня, и стерва. И монумент»¹⁰.

Обширный камерный репертуар Елизаветы Ивановны составляли произведения русских и западноевропейских классиков, народные и современные песни. В 1930-е гг. в ансамбле с Н.С. Ханаевым, М.О. Рейзенем и Н.Д. Шпиллер она принимала участие в исполнении 9-й симфонии Л. Бетховена, которое вошло в анналы мирового исполнительского искусства¹¹.

Следует заметить, что упомянутая Наталья Дмитриевна Шпиллер начинала свою сценическую карьеру в начале 1930-х гг. именно в Куйбышеве, на сцене только что открывшегося оперного театра. В 2009 г. совершенно незамеченным прошел ее 100-летний юбилей.

Елизавета Ивановна Антонова после ухода со сцены в 1954 г. продолжала концертную деятельность. В 2004 г. к 100-летию со дня ее рождения фирмой «Aquarius» выпущен ее первый сольный компакт-диск (на котором она дважды поет дуэтом с Н.Д. Шпиллер) (составитель альбома – М.В. Никифоров).

Вехой в истории, в т. ч. музыкальной истории, Самары-Куйбышева является пребывание в городе во время Великой Отечественной войны эвакуированного из Москвы Большого театра. Этой теме посвящено уже немало исследований и публикаций. Однако, совершенно уникальным свидетельством жизни артистов Большого театра в Куйбышеве выступает сохранившийся рукописный дневник мужа Е.И. Антоновой Федора Панова. Ф. Панов был музыкантом, дирижером ансамбля народных инструментов, вел свой дневник с 1919 г. до начала 1960-х гг. Дневник никогда не издавался, ныне хранится в Москве у одной из дочерей Панова и Антоновой. И хотя в этом дневнике мы почти не найдем характеристик сценических образов артистов, но представ-

ленные в нем яркие бытовые подробности делают его интересным источником по истории самарской жизни военного периода.

Так, 13.10.1941 г. Ф. Панов записал (орфография и пунктуация подлинника, в основном, сохранены):

«Я и Лиза (Е.И. Антонова. – А. М.) приехали вечером от Шуры... Только что разделись, как явилась курьерша из Б[ольшого] Т[еатра] и сказала, что Лизе нужно срочно явиться в Дирекцию. Мы пошли. Было 8–9 час. вечера. Еле дошли: была страшная темнота. В театре было предложено срочно эвакуироваться из Москвы и быть завтра, т. е. 14 окт. в 6 час. (вероятно, утра. – А. М.) на вокзале. Стали собираться, брать с собой решили только самое необходимое.»

Далее:

«14.10. Всю ночь не спали, а в 5 час. я сел на груз. авто вместе с Тихомировой (из балета), которая жила в одном доме. А Лиза с матерью пошла купить продуктов в дорогу. С автоб. мы заехали еще за Дмитраш (тоже из балета), а потом на Казанский вокзал. Там в этот день собралось много работников искусств на эвакуацию. Видели арт. Каширина из т[еатра] Вахтангова. Видели кое кого из Малого т[еатра]... Поезд отошел в 11 час. у[тра]. Из Больш[ого] Театра ехали: Самосуд, Мел[ик-]Пашаев, Небольсин, Рейзен, Бутенина, (далее неразборчиво. – А. М.), Воробьев, Большаков, Остроумов, Батурин, Сливинский, Алемасова, Перегудов, Терехин, Домбровский, Соковнин, Стрельцов, Зелинская, Турчина, Межерауп, Евлахов, Бугайский, Гагарина, Леонтьева, Златогорова, Соколова, Прокошев, Иванов и др., а также из балета, оркестра и хора. В этом же поезде ехали работники кино и Академия им. Тимирязева. Ехали до Куйбышева (Самара) 4/2 (четверо с половиной. – А. М.) суток. Питались в дороге продуктами из Москвы, покупали еду (воду? – неразборчиво. – А. М.), а также ограниченно пользовались рестораном при поезде. Терпели большую нужду в кипятке.

18.10. Приехали вечером (часов в 5–6) в Куйбышев. Направили нас на груз. авто всех в школу № 81 на углу Ярмарочн[ой] и Самарской ул., около Воскресенского рынка. Расселили по классам. С нами вместе попали Иванов А[лексей] П[етрович], Зелинская, Сливинский, Батурин с Дуловой, Бутенина, Межерауп, Домбровский, Небольсин, и из балета: Волкова, Кузнецова, Смирнова и Гусев. Обеды готовили сами: кто на плите, кто на керосинках и эл. плитках. У нас была эл. плитка, привез[ли] из Москвы. Пришлось только переменить спираль на 220 вольт. Кроме того купили еще керосинку на так называемом Цыганском базаре. Продукты покупали на рынке по ценам: мясо от 30-40 р., картофель 4-5 р., яйца 20-25 руб. С 1 ноября выдали прод[овольственные] карт[очки] как всем жителям».

Примечательно, что Ф. Панов точно фиксирует топографию тогдашнего Куйбышева. Как известно, Воскресенский рынок располагался на Воскресенской площади, ныне носящей название Самарской. «Цыганский базар» находился, надо понимать, на

Е.И. Антонова в роли Кончаковны.
"Князь Игорь" А. П. Бородина

Е.И. Антонова в роли Вани.
"Иван Сусанин" М. И. Глинки

территории нынешнего ЦУМа «Самара». Для автора настоящей статьи особый интерес в дневнике Панова представляет упоминание 81-й школы, которую автор статьи в свое время окончил. Существуют опубликованные воспоминания об эвакуации в Куйбышев упоминаемого Пановым, также попавшего в 81-ю школу замечательного солиста Большого театра Алексея Петровича Иванова. Воспоминания А.П. Иванова дополняют картину, нарисованную Ф. Пановым:

«18 октября, ночью. Куйбышев. Приехали. Выгружаемся в приготовленной для нас пустой школе № 81...

19 октября. Первый день куйбышевской жизни. Выгружались шесть часов, потом спали на полу, кто как мог. Я... расположился в бывшем классе химии. С нами вместе там поместились двадцать восемь человек, в том числе семьи Батурина, Сливинского, дирижера Небольсина, Прокошева, Антоновой, Бутениной, Межерауп и другие... Общие тяжелые условия способствуют обретению новых друзей, которые оказывают посильную помощь друг другу...

20 октября. Наконец появились кровати, хотя и без матрацев. В первую очередь устраиваем детей и стариков. Появился своеобразный комфорт: вдоль и поперек комнаты натянуты веревки, а к ним прикреплены простыни и другие импровизированные занавески, которые разделили комнату на ряд кабин. Появился стол и несколько стульев.

26 октября. ...пригласили меня посетить местную церковь, где сегодня предполагается торжественное богослужение при участии местного архиерея и церковного хора. После чтения Евангелия архиерей зачитал воззвание Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, в котором он призывает оказывать максимальную поддержку Советскому Правительству в его борьбе против врага...»¹².

В записи А.П. Иванова под местной церковью следует понимать Покровский собор, под архиереем – тогдашнего архиепископа Куйбышевского и Сызранского Андрея (Комарова). Иванов пишет и о процветающем в Куйбышеве «Цыганском рынке»:

«Здесь несчастные москвичи сбывают остатки своих вещей. «Линяем», – с горькой иронией говорят они про себя. Но здесь можно найти все, что угодно душе и желудку»¹³.

Из дневника Ф. Панова:

«5.11. Мы прожили в школе в общ[ей] комнате до 5/XI, когда нам дали комнату в гостинице на ул. Фрунзе (д. 146). Комната в 16 метр[ов] с кроватями, бельем и мебелью. Вместе с нами переехали: Петров (пом[ощник] дир[ижера]) с Алемасовой, Бутенина, Головкина, Мехетели с Сайгович. Теперь стало более удобно, чем в школе, но много солистов осталось еще в общежитии».

По всей видимости, дом, о котором пишет Панов, – это дом на углу Фрунзе и нынешней улицы Шостаковича, в котором жил также Д.Д. Шостакович, и в котором он завершил создание своей знаменитой 7-й симфонии. Согласно дневникам А.П. Иванова, в 81-й школе работники Большого театра оставались еще и в феврале 1942 г.¹⁴

Далее Ф. Панов пишет:

«6.11. Лиза (Елизавета Ивановна Антонова – А. М.) пела в юбилейных концертах 6 и 7 ноября в Большом Театре (Дворец Культуры)».

Из дневника Панова известно, что в Куйбышеве во время эвакуации находилась и Глафира Вячеславовна Жуковская:

«1.12. Живем в Куйбышеве уже 1,5 месяца. За это время подъезжают и другие артисты, не приехавшие вместе со всеми. С месяц как приехали Пироговы с Жуковской (стало быть, они приехали в начале ноября. – А. М.), с неделю появился Михайлов М.Д. Он получил комнату в нашем доме и мы с ним начали сражаться, как и в Москве, в шахматы (в Москве семья Е.И. Антоновой и М.Д. Михайлов жили в одном доме на улице Горького. – А. М.). Он приехал один. 29 ноября приехал Козловский И.С. с семьей... Зима установилась твердая с 7 ноября и держится ровно до сих пор градусов на 20. В комнате у нас уютно и тепло от голланд[ской] печи. С продовольствием обстоит пока хорошо».

Из переписки 1969 г. Г.В. Жуковской с самарским краеведом Н.П. Аннаевым известен дом, в котором Жуковская с Пироговым жили в эвакуации в Куйбышеве: «...мы жили напротив театра, это, кажется, был дом офицеров. У нас была отдельная квартира из 2-х комнат, окна выходили на Алексеевскую улицу»¹⁵. Вероятно, речь идет о доме комсостава (генеральском доме) на Чапаевской улице недалеко от пересечения с Красноармейской. Примечательно, что в письмах 1969 г. Глафира Вячеславовна пользовалась дореволюционной городской топонимикой (как известно, после революции Алексеевская улица была переименована в Красноармейскую). В одном из писем Глафира Вячеславовна употребила оборот «моя родная Самара»¹⁶.

Далее из дневника Ф. Панова:

«1.12. Макс[им] Дормид[онтович] Михайлов улетел в Москву по вызову правит[ельства]. Мы послали к матери с ним 500 р. и кило мяса.

1942 г.

1.1. Встречали Новый год в Куйбышеве. Начали вдвоем с Лизой, придя с ней после концерта в клубе им. Дзержинск[ого]. Потом соединились с Петровым, Алемасовой и с Головкиной. Здорово выпили на чужбине.

13.1. Прилетел обратно из Москвы Михайлов М.Д. Сказал, что с квартирой все благополучно. Привез от матери небольшую посылку с мылом, сахаром и даже вареньем...

14.1. Сегодня напряженный день: сразу 2 смерти: у Селиванова годовалый ребенок и у Лепешинской – отец. А дней 5 назад умерла в больнице б[ывший] директор Б[ольшого] Театра Малиновская Ел[ена] Конст[антиновна].

18.1. Вылетели в Москву на Ленинские дни: Михайлов, Козловский, Рейзен, Барсова, Норцов. С Михайловым послали матери немного продуктов.

24.1. В Куйбышеве в 1-й раз показана опера «Черевички». Пели: Вакулу – Федотов, Оксану – Бутенина, Солоху – Антонова, Чорта – Иванов, Чуба – Колтыпин, Голову – Лубенцов, Дьяка – Стрельцов, Светлейшего – Сливинский. Дириж[ер] М[елик-]Пашаев. Все певцы на своем месте. Постановка

же в сравнении с московской – бедна. Опера имела успех у публики.

1.2. Вечером шли «Черевички» (говорят, что на соискание Стал[инской] премии, т. к. была спец. комиссия). Пели: Большаков, Бутенина, Антонова, Иванов, Михайлов, Лубенцов, Стрельцов, Селиванов. На афише стояли Федотов и Турчина, но их перед самым спектаклем заменили Большаковым и Антоновой. На меня спектакль не произвел впечатления, за исключением удачно игравшего оркестра.

4.2. Для интереса в будущем записываю цены на рынке: мясо – 120–150 р., картофель – 15 р., молоко – 20–24 р. (литр), лук – 20 р., морковь – 12 р., яйца 50 р. Туго приходится с покупками. Хорошо, что нас снабжают еще коммерч[еский] ларек при Театре, особенно удовлетворительно пока масло и по 50 руб. за кило (на рынке оно 250 руб.)

19.2. Стал работать в Большом Т[еатре] комендантом общежития в д. № 17 по Некрасовской ул. (г. Куйбышев). В этом доме живут: М[елик-]Пашаев, Захаров, Кауфман, Купер, Жук, Леонтьева, Прокошев, Галецкая, Енакиев, Федотов, Буравский и другие.»

Если нумерация домов по Некрасовской улице с того времени не менялась, то можно утверждать, что в последней записи Панова речь идет о существующем и ныне доме на углу Некрасовской и Степана Разина.

Елизавета Ивановна Антонова за партию Солохи в опере «Черевички» получила в Куйбышеве Сталинскую премию. Вот как об этом пишет Панов:

«11.4. Вечером с Лизой были на опере «Травиата». Пела наша соседка – Алемасова и мы пошли ее слушать. В Антракте к Лизе подошли Пом[ощник] дир[ижера] Петров и Зав. Кадр[ами] Лемешко, позвали к себе в кабинет и сказали, что говорили по телефону с Москвой и оттуда сообщили о присуждении Лизе звания Лауреата Стал[инской] премии I ст[епени]. Мы как-то сразу ушам своим не верили, потому что не думали и не ждали этого. По театру до этого шел разговор, что к таковой премии будет представлен только Большаков. Вечером передавали о присуждении премии по радио, а на другой день 12 апреля было объявлено в газетах: премия I ст[епени] 100.000 руб. присуждена за оперу «Черевички» М[елик-]Пашаеву, Большакову, Михайлову, Антоновой и Норцову...»

Далее:

«11.6. Лиза первый раз пела партию няни в опере «Евг[ений] Онег[ин]»...»

4.8. Вылетел на самолете в Москву хлопотать о переводе Лизы в Москву... После 10 мес[ячного] отсутствия нашел Москву мало изменившейся. Чувствуется только большой простор на улицах, т. к. жителей стало чуть-ли не вдвое меньше. Разрушений от бомбежек совсем не заметно. Ну, а в магазинах, прежде свободно торговавших продуктами, все продавалось теперь только по карточкам. Сравнивая Москву с Куйбышевым, можно сказать, что в Москве тихо, чисто, культурно и вежливо, но голоднее (и то только в отношении работников Б[ольшого] Т[еатра], которые в Куйбышеве снабжаются и помимо карточек из ларька). Уж очень хорошим показался моск[овский] хлеб (калачи, батоны, хала и даже черный). В Куйбышеве он очень не высокого качества. Для сравнения приведу здесь рыночные цены:

	в Москве	в Куйбышеве
Хлеб кило	80–100	30–40
Картоф.	40–50	20–30
Молоко л(итр)	30–40	30–40
Яйца	150 р.	100–120
Мясо	200–250	300–350
Масло ж.	600–700	500
Лук	80	25 р.

12.10. Лиза (одна без меня) возвратилась из эвакуации... в Москву. Возвращение в Москву было очень сложно в смысле формальном и мне к этому времени не удалось получить разрешения на въезд в Москву...

Ноябрь. Дирекция Большого Театра в Куйбышеве долго не соглашалась, чтобы Лиза осталась в Москве, где уже начал работать Б[ольшой] Театр (Московский). Была переписка с дирекцией, но потом все утряслось и Лиза осталась на работе в Москве, куда к этому времени вернулись многие большие артисты (Михайлов, Козловский, Барсова, Самосуд). Мы стали жить в своей квартире более уже спокойно, потому что налетов немцев на Москву больше не было и война пошла уже с успехом на нашей стороне и наших союзников. Сначала было трудно с питанием, т. к. по карточкам давали продуктов немного. Сухой паек не выдавался, а надо было получать готовые обеды. У Лизы был обед хороший, у меня же очень плохой. Но постепенно продовольственное снабжение налажилось, нормы выдач все увеличивались (особенно работникам искусства) и нашего с Лизой пайка хватало на всю семью».

Хочется надеяться, что в Самаре будет увековечена память об эвакуации в город Большого театра, о Г.В. Жуковской, Е.И. Антоновой, Н.Д. Шпиллер. Это такие события и такие люди, память о которых имеет колоссальное воспитательное значение, как в патриотическом, так и в эстетическом плане.

Примечания:

¹ Цит. по: Никифоров М. В. Глафира Жуковская // Буклет к музыкальному альбому (2 CD. М., 2007. *Aquarius*).

² П.Г. Лисициан в искусстве и жизни. М., 2001. С.27.

³ Гончарова Н. Г. В. Жуковская // Театральная неделя. № 20. 9 дек. 1940 г.

⁴ ГАСО. Ф. Р-4978. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ Асафьев Б.В. Избранные труды. М., 1952. Т. 1. С. 286.

⁹ Петров И.И. Четверть века в Большом. М., 2003. С.70.

¹⁰ Эйзенштейн С.М. Метод: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 483.

¹¹ Цит. по: Никифоров М. В. [Елизавета Антонова] // Буклет к музыкальному альбому (CD. М., 2004. *Aquarius*).

¹² Алексей Иванов. Впечатления жизни. Дневники. М., 2010. С.89–90.

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-4978. Оп. 1. Д. 19. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 1.